

Россия, XX век: Эра Инкогнита

Среди собравшихся в конференц-зале Горбачев-Фонда на глаз можно было выделить две разновидности людей, в равной степени реликтовые: бывшие «прорабы перестройки» — лица, появлявшиеся на полосах газет и на телеэкранах до начала девяностых, и «бывшие неформалы». Тема обсуждения тоже была, как бы это сказать... несвоевременная.

«1937-2007» — к таким растяжкам, плакатам и стикерам я не мог привыкнуть с начала года. Но оказалось, что все они призваны напомнить нам отнюдь не о годовщине Большого террора, но — о героическом дрейфе папанинцев. Всё вполне позитивно.

А Международный "Мемориал" и Горбачёв-Фонд проводили в среду, 26 сентября, круглый стол — "1937-2007: память и ответственность". Тема первой сессии называлась "Память и наследие: Большой террор в современном общественном сознании и национальной памяти". Обсуждались не сами события семидесятилетней давности, а господствующие ныне представления о прошлом.

Оказалось, что открывавший конференцию Михаил Горбачёв представил не столько доклад — хотя говорил, как обычно, долго и обстоятельно — сколько материал к обсуждению. Михаил Сергеевич рассказал, как они двадцать лет назад приближались не то что к пониманию, к обсуждению темы "37-го": "Оказалось, годы эти — были годы Большого Террора..."

Здесь, к сожалению, нет места для пересказа выступления Горбачёва, но логика была ясная и выверенная: на 17-м съезде было много голосов против Сталина; убийство Кирова Сталин использовал (слышалось: организовал) как повод для начала террора; Сталин начал расправляться с делегатами съезда; все были репрессированы или расстреляны; потом стали устранять свидетелей и исполнителей...

Эта концепция, впрочем, известна со времён Хрущёва: "Сталин развязал террор против коммунистической партии". И при Горбачёве, как видим, дальше Хрущёва особо не продвинулись.

Впрочем, был и важный человеческий момент: у Михаила Сергеевича, как оказалось, были репрессированы оба деда. Один не пошёл в колхоз — и был репрессирован. Другой, наоборот, организовывал колхозы. Впрочем, после снятия Берии его освободили. И он потом только единожды говорил о пережитом — о том, что Сталин ничего не знал, а это всё местное начальство виновато. И о том, что Советская власть — наша власть, она землю крестьянам дала...

Председатель правления Международного "Мемориала" Арсений Рогинский, выступавший вслед за Горбачёвым, удержался от полемики, от содержательного обсуждения высказанной Михаилом Сергеевичем концепции. Он напомнил только, что из не менее 1725000 человек, "прошедших" в 1937-1938 годах по линии органов госбезопасности (расстреляны были от 818 до 845 тысяч), партийцев и бывших партийцев было "не больше" 130 тысяч.

Важнее другое — насколько мы за двадцать лет продвинулись в "работе памяти"?

Во-первых, есть строка Ахматовой: "Хотелось бы всех поимённо назвать..."

Скоро "Мемориал" выпустит диск с базой данных на примерно два с половиной миллиона человек. Туда, среди прочего, войдут сведения из всех Книг памяти, изданных в России.

Не войдут сведения по Прибалтике и Украине. И тут проблема, прежде всего, языковая: там, основываясь на документах карательных органов, для которых "рабочим" языком был русский, мартирологи готовят и издают Книги памяти на языках национальных (Николай становится Мыколой). И при обратном переводе неизбежны ошибки. В Книгах памяти этих стран будет всего порядка полумиллиона имён.

А по ведомственной статистике и отчётности карательных органов всего с 1921 года жертвами политических репрессий следует считать (если руководствоваться критериями Закона о реабилитации) 12-13 миллионов

человек. То есть за двадцать лет поимённо названы не более четверти...

Неужели нужно ещё лет шестьдесят-восемьдесят? Или нужна политическая воля, вроде той, что в семидесятых посадила военкоматы и архивы на составление Книг памяти жертв Великой Отечественной? Но нет такой воли, и не ожидается...

Во-вторых, память — это памятные знаки в местах расстрелов и захоронений. Летом 1937-го, при подготовке приказа № 00447, руководителям местных управлений НКВД объясняли технологию операций и давали указания: готовить не только расстрельные подвалы, но и "зоны", где будут закапывать. И в каждой области такие зоны были выделены (в Москве даже две, одну для местного управления, другую — для союзного). На сегодня мы знаем не более четверти этих зон.

В-третьих, это памятники. Они до сего дня остались "закладными камнями". Власти вроде не препятствуют памяти, но выталкивают её с площадей на кладбища. Нету, как в Берлине, стелы с надписями: до Дахау — столько-то километров, до Бухенвальда — столько-то... Пройдёт мимо ребёнок с родителем, спросит: "А что такое Дахау?" По словам Рогинского, в Москве, где расстреляны более сорока тысяч человек, нет ни одной мемориальной доски, где было бы написано: "Расстрелян..." Только скромное: "До такого-то года жил и работал..."

Эту тему развила Ирина Флиге из Санкт-Петербургского "Мемориала".

В восьмидесятых годах люди достали из дальних углов то, что оставалось порой единственной памятью об их канувших в небытие предках. На «мемориальных» "неделях совести" целые стены были увешены письмами из личных архивов. Что теперь?

Теперь такие материальные следы легли на витрины многочисленных местных музеев, вплоть до краеведческих и школьных. Теперь они стали уже памятью о памяти — о сделанной двадцать лет назад попытке сделать террор частью памяти общенациональной.

Даже там, где известны места захоронений, их границы не обозначены, численность расстрелянных до сих пор составляет предмет споров, а могилы остаются безымянными.

Сохранение материальной памяти о терроре остаётся уделом энтузиастов. Один из коллег Ирины говорил: "Я искал могилу отца, а нашёл двадцать тысяч расстрелянных..."

На площадях есть памятные места лишь потому, что в большинстве регионов расстрельные полигоны не найдены.

Там, где найдены, они не защищены: нет ни регламентов, ни юридического статуса мемориальных кладбищ.

Память поделена — она из общей становится региональной, конфессиональной, национальной.

Зло даже не названо по имени: надписи на камнях свидетельствуют не о "терроре", а о "репрессиях". О Большом терроре не говорят никогда.

Эти "репрессии" воспринимаются как стихийное бедствие, сродни катаклизмам и эпидемиям.

Есть память о жертвах, а не об убийстве. О мемориальных досках на "объектах" госбезопасности и речи нет — Лубянку и "Большой дом" теперь опять запрещено фотографировать.

«Мы вернулись к тому, что у нас в России опять сосуществуют две реальности и две правды», — заключает Ирина Флиге.

Чем эта материальная память отозвалась в сознании? На этот вопрос ответил в своём докладе Борис Дубин из "Левада-центра" — они только что закончили соответствующий опрос. Половина опрошенных назвали сталинский террор в ряду страшнейших событий двадцатого века, три четверти считают его политическим преступлением. Что же из этого следует? "Не забывать" или "не ворошить прошлое"? Тут голоса разделились поровну — по сорок процентов. Половина считает, что организаторов и исполнителей не следует привлекать к ответственности. Две трети полагают, что не стоит искать виновных.

Лейтмотив: "Кончайте грузить!"

Борис Дубин заметил, что в России сложилось "неглубокое плоское общество", в котором субъектом,

наделённом памятью, полагается только целое, принадлежащее государству. Любая самостоятельная позиция воспринимается как раскол этого целого. Между тем, хранителем памяти может быть только общество разнообразное и глубокое — оно держит, обсуждает, рассуждает... в общем, помнит.

У нас же в конце восьмидесятых соотнесли террор лишь с прошлым, с историей, а не с обществом, не с его отношением к окружающему миру и к прошлому. «В итоге, — отмечает Борис Дубин, — в памяти, в календаре общества остались три исторических события, все сплошь позитивные: Победа, полёт Гагарина и Новый Год...»

В восьмидесятых при разговоре о Большом терроре перед обществом не были поставлены моральные вопросы. Теперь мы получили ответ: "Алиби. Нас там не было. Это нас не касается".

Число людей, считающих Большой террор значимым событием, сократилось с 89-го по 99-й годы с 39 до 11 процентов.

На вопрос, знают ли они о терроре, 13 процентов ответили, что знают в деталях, 44 — "в общем" и 41 — плохо или совсем не знают. По словам Дубина, среди молодёжи распределение ещё более красноречиво: 2 процента, 28 процентов и две трети...

О молодёжи говорила и Ирина Щербакова, координатор «мемориального» конкурса для старшеклассников "Человек в истории. Россия. Двадцатый век".

Году в 1990-м на лекции в РГГУ студент спросил её: "А вы когда-нибудь живого сталиниста видели?" Казалось, прошлое получило окончательную оценку...

Теперь конкурс имеет дело, в основном, с "провинциальной школьной элитой". И вот недавно одна девочка, писавшая о коллективизации, — а о чём ещё? это же наша общая история! — на вопрос об отношении к Сталину ответила: "Ну что вам сказать? Он был эффективный менеджер!"

"Что труднее всего? — спрашивает себя Щербакова, — Написать первый абзац... При совке начинали с цитат из классиков..." Так вот конкурс начался в 1999-м. И в первые годы приходившие на конкурс работы начинались, как правило, со слов: "У нас было очень тяжёлое прошлое" или что-то в этом роде. Теперь, как правило, в зачин ставится пара абзацев о патриотизме и гордости. А потом идёт текст — то самое "очень тяжёлое прошлое", впрочем, без какой-либо привязки к гордости и патриотизму. Даже гордости за то, что бабка, которую при раскулачивании выбросили с семьёй детьми на голый берег, руками вырыла землянку и вырастила-таки, подняла детей...

Дети ведь очень чутко улавливают, что теперь говорят и о чём молчат. Вот по регионам пошли "конференции" — "обсуждения" филипповского «пособия». Не обсуждения даже, а внедрение. Но ведь написанное там ещё хуже, чем то, что было в семидесятые. Тогда замалчивали преступления, теперь признают: "Да, было, но с нашим народом иначе нельзя, это было необходимо". При советской власти порою вырастали идеалисты. По словам Щербаковой, "новый курс" может воспитать только циников.

Об учебниках говорил ещё один автор «ЕЖа», Никита Соколов. "Общественная память" ведь не "меняется", а формируется. А учебник воспринимается как вместилище принятой и разделяемой обществом позиции.

Учебники девяностых, дожившие до нашего времени, базировались на перестроечном консенсусе: "Россия — нормальный участник мирового сообщества, и нет у нас никакого особого пути. Наиболее эффективны пути развития страны, дающие простор человеческой инициативе и свободе. А террор и тоталитаризм — не просто абсолютное зло, но и абсолютно неприемлемая форма "менеджмента".

Потом произошёл перелом: человек из учебников исчезает, его место занимают "исторические закономерности" и их агент — государство. Человек исчезает не только страдающий, не только как объект, но и как деятельный субъект.

"Концепция изменилась": «Россия — всегда! — осаждённая крепость. Нам всегда нужна концентрация ресурсов. Власти позволено всё в этом противостоянии всему миру».

И филипповское "пособие" — следующий шаг на этом пути. Репрессии оправдываются, поскольку они сформировали новую элиту, "преуспевшую в невозможном".

А прогресс, модернизация трактуются как прогресс технологический, как успешные заимствования. Хотя главное — прогресс и изменение человеческих, общественных отношений. Без этого страна не в состоянии

отвечать на вызовы будущего.

И, добавлю от себя, обречена возвращаться к прошлому.

К тому прошлому, что обсуждали вчера в Горбачёв-Фонде...

Это прошлое, которое Россия предпочитает забыть, становится «неведомым временем».

...В старину картографы, располагая за гранью изученного «терра инкогнита» — «неведомые земли» — рисовали на них химер и чудовищ.

Если наша трагическая история становится чередой побед и свершений, цена которых объявлена приемлемой, тогда и наше настоящее вполне успешно. Почему бы не представить Норд-Ост и Беслан как победы, а удушенных и сожжённых заложников — как «приемлемый ущерб»?

Именно так ревизия прошлого откликается в настоящем.

Автор: Александр Черкасов © Ежедневный журнал ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 2183 30.09.2007, 11:48

URL: <https://babr24.com/?ADE=40159> Bytes: 12012 / 12012 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)